

Владимир Невский

Крест избранных

Владимир Николаевич Невский

Крест Избранных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73460288

SelfPub; 2026

Аннотация

Всё началось с откровения неизвестного испанского мыслителя эпохи «хитроумного идальго», которое, сохранённое втайне инквизитором-доминиканцем, причудливым образом добралось до Ленинграда. Оно изменило жизнь нескольких человек довоенного и послевоенных поколений и заставило их искать ответы на вопросы, непосильные для философов. Если инквизиция воспроизводится самой «почвой» цивилизации, то, значит, она неистребима? Способно ли зло, созданное для того, чтобы быть злом, творить добро? Может ли осознание беспредельности Космоса превратить палача в справедливого судью? Детективный сюжет развивается по двум линиям – лабиринту, ведущему из XVI века в конец XX века, и череде драматических событий 1950-х годов.

Владимир Невский

Крест Избранных

КРЕСТ ИЗБРАННЫХ

Глава 1. Исповедь доминиканца

В тот памятный декабрь дожди обрушились на Арагон, как небесная кара¹. Благонравные горожане надеялись, что хотя бы к Рождеству стихия оставит в покое промокший город; и солнце вроде бы чаще стало выходить из-за туч, но поднялась река, и поднялась настолько, что около сотни домов оказались в воде.

Намеченное на двадцать третье декабря аутодафе пришлось отложить. И причиной тому были не отсыревшие дрова. Как собрать народ на площади? – Именно эта непростая задача заставила председателя трибунала перенести «мероприятие». Впрочем, стоит ли проклинать непогоду? Несколько дней жизни, ни за что дарованных еретику, – разве не милость со стороны святой инквизиции?

И вот, в самом конце декабря, взойдя на чистом и каком-то неестественно сине-фиолетовом, будто не арагонском небе, солнце на всём своём дневном пути не встретило ни одного облачка. Вдоль Эбро дул холодный ветер, но в каменных лабиринтах города можно было найти немало укры-

тий от его ледяного дыхания. Жители спешно развешивали своё промокшее бельё, опасаясь новой волны непогоды.

В небольшом скверике, зажатом между двумя домами и состоящем из трёх равноудалённых друг от друга чахлых пальм, сидел неприятно пахнущий толстый человек с одутловатым лицом и совершенно седыми поредевшими волосами. Какой-нибудь иногородний гость мог бы с состраданием вздохнуть и отвернуться от этого, всеми покинутого и, вероятно, безразличного к собственной судьбе старика. Но горожане знали его. Как сказал однажды в приватной беседе епископ П. д'А., этому отшельнику не повезло в одном: он не успел вовремя умереть.

Наступила ночь. Проклятый Сьерсо² выдул всех людей с улиц. Придерживая одной рукой живот, другой – ноющий на ветреную погоду правый бок, старик зашёл в дом. Здесь было тепло. Мальчик, назначенный епископом П. д'А. на должность помощника по хозяйству, добросовестно исполнял свои обязанности. Вот и сейчас, прощаясь, он сказал, что рано утром зайдёт снова и растопит печь. Зачем он повторял эти слова изо дня в день? – Наверное, как подумал однажды хозяин, он хотел таким образом наполнить звуками этот замолкший дом, где никогда не было гостей и где единственный его обитатель, будто давший обет молчания, говорил с

ним лишь скупыми, отточенными до совершенства жестами.

Старик сел в плетёное кресло. Его не интересовало назначенное на завтра аутодафе; он не испытывал жалости к тому, от которого уже завтра не останется даже пепла, как, впрочем, и к любому, кто так или иначе должен был покинуть земной мир. Смерть давно стала для него обыденностью.

Единственное, что изменилось в его картине мира, написанной в красных и синих тонах, – это недавно возникшее слезливое умиление перед детьми, которые ещё только начинали ходить.

Он вздохнул и тяжело поднялся с кресла. Но, не успев распрямиться во весь рост, упал назад. В проёме двери, которая, впрочем, редко запиралась изнутри, он увидел невысокого человека – точнее, фигуру в тёмном одеянии с капюшоном, закрывающим половину лица.

– Кто ты? – пролепетал хозяин.

Незнакомец вступил на шаг в комнату и остановился.

– Кто я? – переспросил он «молодым», то ли мужским, то ли низким женским голосом. – Твоя смерть. Или я неубедительно выгляжу?

Старик сделал вторую попытку встать, но «чёрный человек» с грациозной проворностью подлетел к нему и ткнул кулаком в грудь. В правой руке незнакомца блеснуло лезвие

короткого кинжала.

– Я хотел всего лишь зажечь вторую свечу, – сказал, будто извиняясь, хозяин. – Я плохо вижу в потёмках.

Не опуская руки с выставленным вперёд кинжалом, поздний визитёр взял лежащую на столе лучину и запалил её.

– Так ты... – изумлённо икнул несчастный старик.

– Да, – невозмутимо ответил незнакомец и медленно, глядя не свои руки, а на жертву, зажёг оставшиеся две свечи. – Надеюсь, этот восторг от моего визита как-то скрасит твои последние мгновенья?

Человек отбросил капюшон, и взгляду хозяина предстала молодая девушка, почти девочка, явно не старше семнадцати лет. Она даже казалась обворожительной. Так часто бывает, когда горящая где-то «за сценой» лампа рельефно высвечивает самые волнующие черты лица, затеняя грубые и несоразмерные.

Они долго смотрели друг на друга.

– Не думал, что смерть может быть такой прелестной, – со спокойствием античного философа произнёс хозяин. – Но, послушай, дитя: ты убедительна в своей земной красоте, однако смерть в твоём облике так же немыслима, как благородство в моём. Ты, вероятно, способна убить предавшего тебя мужчину. Или врага, который хочет разорить твой дом. В тебе много страсти. Но в тебе много и великодушия.

– Как я могу быть великодушной, если я – Смерть? От меня нет спасения.

– Нет, я не ошибаюсь. Ты великодушна. Разве твои родители думали иначе?

Рука с кинжалом медленно опустилась.

– Как же ты собираешься меня убить? Твой нож не достаёт до моего сердца. Или ты хочешь перерезать мне горло? – с прежним спокойствием спросил хозяин.

Внезапно он улыбнулся. «Смерть» чуть не попятилась назад. Потом она действительно отступила на полшага, но только затем, чтобы передвинуть подсвечник ближе к обречённому. Так были лучше видны его глаза.

– Может быть, ты назовёшь своё имя, чтобы я успел помолиться за тебя? – не спуская с неё пристального взгляда, произнёс старик.

Девушка вздрогнула и сжала клинок обеими руками.

– Молись за себя. Я ещё не успела согрешить.

– Вижу. И поэтому впервые за много лет улыбнулся. Вот уж не думал, что Смерть способна творить такие чудеса.

– Какие чудеса? Назови своё имя, чтобы ни у тебя, ни у меня не осталось сомнений в том, что возмездие будет законным, – хриплым шёпотом произнесла она.

– Дитя, ты пришла по верному адресу. Я – доминиканец А., председатель провинциального трибунала, тот самый, который шестнадцать лет назад отправил на костёр твоего отца. «Тогда» у него детей ещё не было.

«Смерть» неуклюже опустилась на пол и воткнула перед собой клинок.

Внезапно ветер стих. Свечное пламя уже не колыхалось, а неподвижно стояло, как вылепленное из воска, на фоне пустой стены. Город угомонился. С обезлюдивших улиц, где всегда что-то шумело – дождь, ветер, чем-то недовольные или, наоборот, воодушевлённые жители, – теперь не доносилось ни одного звука, даже шелеста пальм.

– Моё имя – Мария, – решила, наконец, девушка. – И я пришла с одной целью – исполнить приговор, который вынесла моя мать. Она умерла минувшей ночью. В последние годы она часто и истово молилась – просила покарать того, кто отнял у неё мужа и взлелеянного в мечтах сына, а у дочери – отца. Незадолго до смерти мать призвала меня к себе. «Поклянись, что исполнишь мой приговор, и исполнишь до того, как меня опустят в землю, – сказала она, – а если ты этого не сделаешь, значит, в нашем мире нет места справедливому Богу». Я дала клятву, и поэтому я здесь.

– Скажи, дитя, ведь вы обе понимали, что это опасно? Почему твоя мать отправила родную дочь туда, откуда не так просто вернуться?

– Да, понимали. Но закон мести выше страха смерти.

Доминиканец перевёл взгляд на неподвижное пламя свечи, прищурился – и... когда он снова открыл глаза и посмотрел в лицо Марии, она невольно отшатнулась. В глазах ста-

рика появилось какое-то необыкновенное выражение, которое, вероятно, можно было назвать детским, или женским.

– Вы ошиблись в одном, – медленно произнёс он. – Нет закона мести. Есть закон воздаяния по заслугам. Но все его приводные нити в руках Всевышнего. Не думай, что я пытаюсь выклянчить свою жизнь. Если ты убьёшь меня, я не стану оспаривать справедливости твоего поступка. Скажу больше: убить меня – не великая, конечно, доблесть, но и не великий риск. Я научу тебя, куда идти после того, как всё будет кончено, – и ты никому не попадёшься на глаза. Но, исполнив приговор, ты нарушишь закон воздаяния по заслугам.

– Почему?

– Смерть, принятая от убийцы, избавит меня от бремени некоторых моих грехов. К тому же такая смерть гораздо менее болезненна, чем та, которую я заслужил. Твоя мать, помышляющая о мести в свой последний час, усугубила свою греховность и, то же время, сделала всё возможное, чтобы облегчить мои оковы на предстоящем мне крестном пути.

– Что же мне делать? – одними губами прошептала Мария.

– Не знаю. В этом вопросе я не советчик. Но...

– Что? – встрепенулась девушка.

– Я с благодарностью приму любое твоё решение.

Она поднялась на ноги.

– Почему ты так говоришь? Я ожидала от тебя чего угодно, но только не этого. Кто ты? – с оттенком страха и, как

показалось старому инквизитору, с надеждой услышать что-то важное, сокровенное, от чего могли зависеть не только его или её жизнь, но и нечто несравнимо большее, спросила Мария.

Доминиканец вздохнул и показал рукой на единственный в комнате грубо сколоченный табурет.

Некоторое время он молчал. Девушка пристально смотрела на него, слегка подавшись вперёд и как бы выглядывая из-за свечей, горевших между ними.

– Я приму с благодарностью любое твоё решение, – повторил инквизитор. – Я понимаю: ты удивлена моей покорностью. Но покорность – это не сосем верно. Я прожил без малого шестьдесят лет. Много чего видел и многое понял. Мир, окружающий меня, неподвижен. Он не меняется ни в ту, ни в другую сторону. И я уверен, что, если б мне было отмерено ещё лет тридцать, всё осталось бы на своих местах. Это первый, но не единственный абсурд из тех, что сопровождают мою жизнь. О других умолчу. А сейчас... Я уже знаю, что ты не замараешь клинка моей кровью. Ты и вправду великодушна и потому не мстительна.

– Я пока ничего не решила, – тоном оправдывающегося школяра ответила Мария.

– Решила. Просто до твоего сознания медленно доходит

то, что уже сказала твоя совесть – а она в разуме не нуждается. Я должен выразить тебе... великую благодарность. Ты появилась здесь в тот самый момент, когда я был как никогда близок к отречению от Бога. И я будто чувствовал, что эта ночь станет главной в моей жизни, после которой у меня не останется ничего, кроме вечности.

– Мне? Благодарность?

В глазах Марии промелькнуло выражение испуга. Теперь она выглядела как беззащитная девочка-подросток перед лицом сурового судьи.

– Подойди, пожалуйста, к полке и передай мне крайний слева фолиант, – попросил А.

Книга оказалась очень тяжёлой. Марии пришлось засунуть клинок за пояс и взять её обеими руками.

Фолиант занял четверть стола. Наверное, он был особо ценным. Мария, в отличие от других девчонок, испытывала трепетный интерес к историческим сюжетам и к той мудрости, ради которой, как ей верилось, и были написаны книги. Увлекающаяся холодным оружием, лазанием по скалам и чтением книг, безбоязненно лупившая пацанов-сверстников, она действительно в чём-то была мальчишкой.

Доминиканец вдруг отодвинул от себя фолиант:

– Где-то в середине спрятаны бумаги.

Мария наугад открыла книгу и сразу нашла их. Два листка размером в три мужские ладони, исписанные корявыми и, к тому же, местами выцветшими буквами, выглядели яв-

но чужеродными на фоне строгого, почти монументально-го шрифта укрывающих их книжных страниц. «Мироздание начиналось...», – успела прочесть она, и её сердце отозвалось учащённым ритмом. Чёткость написания первой фразы и неразборчивость последующего текста указывали на небрежность безвестного автора, старания которого ограничились прилежным начертанием трёх первых слов, или на спешку в создании документа.

– Не пугайся, – словно предвидя её замешательство, сказал доминиканец. – При дневном свете тебе всё станет понятно. Но второй опус ты не прочтёшь. Текст зашифрован. И зашифрован самим автором.

– Зачем? – робко удивилась Мария и разложила листки веером на обложке фолианта.

– Не спеши, дитя. Выбери тихий солнечный день, успокой свой разум и свой дух – и прочти это удивительное повествование о том, как возник наш мир. Я не готов сказать, что согласен с автором. Слишком уж много необычного в его фантазии. Но...

– Что? – обеспокоенно воскликнула Мария, увидев, как старый инквизитор откинулся в кресле и закрыл глаза.

– Я не нашёл явных противоречий с божественными законами, – тяжело выдохнул доминиканец. – Автор этого опуса и авторы Библии могли бы спорить друг с другом о том, что не вошло в Ветхий Завет. А о чём-то другом спора нет, потому что автор никого не опровергает. И слова этого доку-

мента можно вписать между строк в Библии...

Старик грустно улыбнулся и прикрыл лицо тремя разведёнными в разные стороны пальцами.

– Дитя, задуй ненужный огонь. Яркий свет заставляет болеть мои глаза, а от воспалённых глаз у меня начинается головная боль, – посетовал инквизитор. – Я летом почти не выхожу из дома. Не люблю жару, но ещё больше боюсь яркого солнца.

Мария загасила два фитиля. Доминиканец опустил руку и, обведя взглядом пустую стену, задержался на её лице. Наверное, в облике этой юной женщины было что-то магическое, потому что в свете ровно горящей свечи она казалась похожей на египетского сфинкса.

– Я не дам тебе ключа для расшифровки второго опуса. Пусть это будет моей причудой. Сможешь догадаться, как его расшифровать, – хорошо; не сможешь – значит, он тебе не предназначен. Этот текст не для всех, а только для избранных. Возможно, ты – из них. Вы, юные, сможете зайти дальше нас, и вам откроются такие дали мироздания, которые лишь иногда, урывками, приходят ко мне в моих старческих снах. Но сны не дают ответов; они лишь случайно извлекают из тьмы нашего подсознания то одну, то другую фразу, написанную корявым почерком... Те два опуса, что ты держишь в руках, охватывают несравненно большее, чем то, что подвластно нашему уму. Я расшифровал вторую страницу. Бесполезно спорить о том, можно ли тут найти ересь, по-

скольку искусный толкователь, если пожелает, найдёт её в любом неканоническом тексте. Здесь несколько слов о будущем, о нерадостном будущем. Но, тем не менее, я пришёл к удивительному озарению: теперь мне будет немного спокойнее на Страшном суде. Тебе до суда далеко, и поэтому твоя мысль пойдёт в другую, более жизнеутверждающую сторону. Спрячь эти бумаги. Мой дом уже с завтрашнего дня станет самым опасным местом для хранения такого бесценного и, одновременно, возмущающего умы творения. Ты можешь показать их одному, проверенному и преданному тебе человеку. И однажды, в солнечный день, вы, возможно, догадаетесь, как прочесть второй опус. А нет – значит, так тому и быть.

Мария бережно, даже с опаской, как извивающуюся саламандру, засунула бумаги за пазуху и начала медленно пятиться к выходу. Перед дверью она чуть скосила взгляд на окно – и услышала, как выстрел, тихий крик: «Стой!».

Ей показалось, что старик внезапно испугался своему неожиданному спасению или пожалел об опрометчивом поступке, лишившем его ценного документа. Доминиканец тяжело поднялся, опёрся левой рукой о стол, а правую вытянул вперёд, словно боясь, что незнакомка навсегда уйдёт в ночь и не услышит какой-то особенно важной, сакральной истины.

И вдруг он опустился, почти упал, на колени.

Мария импульсивно бросилась к нему, но тут же отпрянула назад.

Инквизитор тяжело дышал. Его левая рука продолжала цепляться за край стола.

– Зачем ты это сделал? Поднимись, – стараясь придать своему голосу жёсткость, но даже не преодолев робости детской интонации, попросила Мария. – Я не заслужила того, чтобы кто-то – тем более, старик – стоял передо мной на коленях.

– Я лишил тебя твоего...

– Нет! Не заставляй меня метаться между состраданием к старческой немощи и мстью за кровь моего отца! Что ты хочешь сказать?

Инквизитор уронил левую руку и прошептал:

– Прими мою исповедь.

Мария на нетвёрдых ногах подошла к нему. Старик медленно поднял голову. Его лицо находилось в тени, но взгляды бывшего председателя трибунала и дочери сожжённого еретика встретились.

Она поняла, что не сможет отказать старому инквизитору.

Впервые в своей взрослой жизни Мария почувствовала страх.

На улице погас последний тусклый огонёк, пробивавшийся, вероятно, из окна стоящего за пальмой дома.

– Не бойся, дитя, – тихо произнёс старик. – В таком коленопреклонённом состоянии я долго не выдержу, поэтому свеча не успеет догореть, когда я кончу. Всю оставшуюся жизнь буду благодарить тебя за эту милость, понимая, что ты сейчас возьмёшь на себя ответственность, достойную самых сильных, самых избранных людей, поскольку всё полученное от меня тебе надо будет передать Богу. Ты ещё можешь отказаться, но умоляю: выслушай. Выслушай, потому что у меня нет другой надежды на прощение кроме твоего заступничества.

Инквизитор медленно выпрямил спину, хотя это, по-видимому, доставляло ему физические страдания, и немного опустил голову, касаясь взглядом исподлбья глаз Марии.

– Я боюсь обращаться к Богу. Но не потому, что недостойн Его внимания. Я не смог достичь, как ни старался, безоглядной веры в Него. Я начинал с искреннего служения Ему, или, может быть тому, кого принимал, по слепой наивности, за Бога. Ради этого служения я отрёкся от земных радостей. У меня не было ни одной земной любви. А сейчас не могу понять, кому я служил. Иногда кажется, что я будто бы совсем недавно родился, и всё моё прошлое – одна больная фантазия впечатлительного ребёнка. Я ушёл от того бога, в которого верил с раннего детства, но к другому так и не пристал, и потому моя просьба к тебе, не запятнанному грехами по-

среднику. Дитя моё, передай Всевышнему, что я хочу прийти к Нему, истинному. Это единственная моя мольба. Пусть Он знает, как знаю я, что те девять еретиков и иудеев, отправленных на костёр, осуждены мною. И шестеро иудеев, обязанных мне своей жизнью и благодарных мне за это, — тоже на моей совести, потому что своими огромными убытками они обеспечили мне безбедное существование до самой старости. Я не могу ответить на вопрос, почему я был «таким». Пусть Он не сравнивает меня с Прокуратором Иудейским. Мой грех неизмеримо страшнее. Прокуратор Иудеи рисковал спокойствием огромной провинции, и, выйди она из повиновения Риму, могла бы утонуть в крови. Но я не рисковал ничем, даже своим маленьким тронem. И лишь пятнадцать лет назад, вдоволь надышавшись дымом костров, я вдруг понял, что церковь отошла от Бога, а Бог лишил её разума. Я ужаснулся своей мысли. Моим единственным утешением стала надежда на чудо, на то, что Христос вернётся в церковь, страдающую внезапным помутнением рассудка. И эта надежда, вроде бы, стала сбываться. Меня утешали и вдохновляли вести с «севера». Однако, когда я услышал речи их главного реформатора, я лишился не только здравомыслия, но и, в конце концов, веры. Я понял, что гугеноты страшнее безбожников и что мы уже скоро узнаем о таких злодеяниях от имени их церкви, которые будут куда ярче и чудовищнее костров папской инквизиции. Нет выхода из западни, которую создали мы сами. Нет ничего ужаснее наше-

го времени. Нет ничего ужаснее нашего будущего. Завтра состоится очередное убийство, и ни один человек, кроме близких родственников этого нового обречённого, не обратится к Всевышнему с криком о благоразумии, навсегда отвергнутом нами... Дитя моё, я прожил почти шестьдесят лет...

Старик всхлипнул и всем своим грузным телом завалился на ножку стола.

Мария стояла безмолвно, будто в оцепенении. Минувшей ночью она проводила в иной мир свою мать. Она честно стремилась восстановить высшую справедливость и стать свидетелем мучительной смерти проклинаемого ею человека. Но сейчас...

Мария вдруг поняла, что бывший председатель трибунала стоит на пороге небытия. Это было пронзительной силы предчувствие. Однако видеть его конец сейчас, пусть даже не насильственный, после отказа от мести, – значит обречь себя на страшные воспоминания и сновидения на многие-многие годы. Нет! Ради жизни и здоровья её будущих детей...

И старый инквизитор услышал её страх!

– Дитя моё, – прошептал он, «полулёжа» на ножке стола. – Когда «всё» кончится, помолись за меня. «Он» тебя услышит... А сейчас...

А. вздохнул и с немалым усилием, оттолкнувшись обеими руками от деревянной опоры, хрипло произнёс:

– Сейчас поверни от моего крыльца налево, затем, за вторым домом, ещё раз налево, затем спустись к Эбро, потом...

А потом ополосни свои руки в воде и отправляйся домой. С чистой совестью. Ты выполнила наказ своей матери, не нарушив известного тебе закона. Иди и ни о чём не переживай. Знаю, тебя не будет в завтрашней толпе зевак... Иди... С Богом...

Наугад, держа правую руку за спиной, Мария нащупала дверь и тихо растворилась в темноте.

А старик с невероятным трудом поднялся на ноги и задом наперёд вернулся к тому месту, откуда начинался его путь к последней исповеди. От долгого стояния на коленях заболели ноги. А. плюхнулся в кресло. Оно громко вскрикнуло и подломилось, сбросив владельца на пол.

Старый инквизитор рассмеялся.

Мальчик, призванный епископом П. д'А. в помощь своему старому и слегка тронутому умом приятелю-доминиканцу, в тот день проспал. Причина была прозаическая. Он боялся идти на площадь. Он не хотел видеть, как живой человек, испепеляемый огнём, превращается в чёрное «ничто». Но отец проявил твёрдость («Надо ж, наконец, стать мужчиной!»), и мальчик, ещё накануне вечером, втайне от сурового родителя, впервые в жизни напился. Вероятно, даже не для смелости, а просто из любопытства. Так посоветовал старший брат.

Бедный мальчишка! Он послушался отца и побрёл утром

не на площадь (там уже начиналось «представление»), а туда, где его присутствие воспринималось им самим как исполнение долга. С тяжёлой головой, подгоняемый ветром и заранее сгорающий от стыда перед взглядом пусть и бывшего, но всё же председателя трибунала, он подошёл к двери возле трёх пальм.

История умалчивает о том, связал ли он как-то своё первое и, возможно, единственное в жизни горькое похмелье с тем, что предстало его взгляду. А причастно ли к этому начинающееся аутодафе – такой мысли у десятилетнего сына портного просто не могло возникнуть.

Старый инквизитор лежал на полу с раскинутыми руками. На лице – довольная и, как показалось оторопевшему ребёнку, немного ехидная улыбка. Пол вокруг доминиканца был усеян обломками рассыпавшегося кресла.

«Как на кресте!», – подумал мальчик. Он уже научился не бояться покойников, но в тот момент никак не мог сообразить, что делать и к кому бежать со скорбным известием.

Он присел на единственный табурет, скромно стоящий в углу комнаты, и бездумно переводил взгляд с улыбающегося мертвеца на свои руки.

Внезапно в комнате запахло дымом. Мальчик вздрогнул и плотно закрыл дверь. Его чуть не стошнило. Впрочем, в этом было виновато, скорее, тяжёлое похмелье, потому что ни один, даже самый чуткий нос не смог бы уловить в терпком запахе дыма привкус сгорающей человеческой плоти.

Глава 2. Две дороги

И дома, и заводские трубы, засыпающие всё окрест копотью и пеплом, поскольку заводы располагались в городском центре, и сам уклад неспешной, почти пасторальной жизни с первого же дня окунули его, ленинградского студента четвёртого курса, в беспросветную скуку. Единственный кинотеатр премьерами не баловал. А поскольку кино крутили в бывшем храме (купола и кресты снесли ещё в двадцатых годах), то иногда, обычно к концу сеанса, в зал проникал еле слышимый запах ладана. Других развлечений в городе не было. Впрочем, нет. Было. Ещё одно. Зато какое!

О нём надо рассказать поподробнее.

Городок, носивший простое, но длинное, наполовину русское, наполовину татарское название, имел «дважды» тупиковую станцию. Здесь заканчивалась сорокакилометровая ветка. Но чтобы попасть на станцию, поезд, идущий по-над правым берегом реки, должен был перейти на левый берег по диагонально поставленному мосту, упереться в тупик, и затем, после перевода стрелки, сдавать задним ходом и упереться в ещё один тупик, но уже окончательный. Это необычное положение станции и стало главной причиной уникального местного ритуала.

Пассажирский поезд ходил днём и вечером. Дневной отбывал мирно, хотя и громогласно. Покидая станцию, паро-

воз «Лебедянка»³ накрывал округу своим рёвом. Тучи ошалелых ворон поднимались в воздух и отчаянно ругались ему вслед. Но в это время население трудилось на заводах и в лес-промхозе. Старухи и немногочисленные старики летом копались в огородах, а зимой раскладывали пасьянсы, гладили своих котов или спали. Зато вечером, в начале десятого, то есть почти за час до отхода поезда, на вокзале собирался разновозрастной люд. И начиналось представление.

Сначала с ближайшей станции приходил маневровый «Эшак»⁴. Дело в том, что при такой конфигурации тупиковых путей один локомотив не справлялся с составом. «Эшак» затаскивал четырёхвагонный поезд в тупик возле моста, затем, с другой стороны, цеплялась «Лебедянка» и возвращала состав к вокзалу. После первого удара станционного колокола пассажиры и их многочисленные провожающие забирались в вагоны и, будто не насмотревшись друг на друга и не наговорившись за многие дни, давали последние советы и напутствия. Второй сигнал – два удара – заставлял провожающих спешно обниматься и покидать вагоны. Дежурный по станции, одетый в форменный китель, трижды ударял в колокол, и поезд начинал медленно, но с достоинством, пятиться в тупик.

Вроде бы, можно было расходиться по домам. Но нет! Едва состав покидал платформу, провожающие перешагивали через пути и останавливались на речном берегу. Наступала тишина. Длилась она две минуты. В начале третьей па-

ровоз зажигал фару и, издав дикий рёв, срывался с «при-
вязи». «Лебедянка» стремительно набирала скорость, хотя
дорога шла на подъём, и поезд на всех парах вылетал с мо-
ста на правый берег. Эта картина была особенно впечатляю-
щей, поскольку паровоз шёл котлом вперёд. Оставшиеся на
«этом» берегу горожане энергично махали платками, рука-
ми, фуражками, вытирали слёзы. Ещё раз взревев, поезд ны-
рнул в выемку и исчезал там до утра.

Люди расходились по домам.

В городе была ещё одна железная дорога, но узкоколей-
ная. Начиналась она с соседней станции, и по ней, кроме гру-
зовых поездов, состоявших из двух игрушечных паровози-
ков и десяти-двенадцати таких же игрушечных вагонов, хо-
дил пассажирский. Он отправлялся вечером, всю ночь кру-
жил по горам и, вволю нагулявшись по крутым петлям, за-
тяжным подъёмам и спускам, утром выходил на равнину, к
конечному пункту. Днём шёл назад. Первая его промежу-
точная остановка, означенная платформой из четырёх шпал
и восьми досок, располагалась возле приборостроительного
завода.

За полчаса до конца второй смены начальник участка от-
пустил наладчиц и обоих студентов-практикантов по домам.
Одному из студентов это было, пожалуй, ни к чему, так как

ему предоставили койку в обычной деревенской избе возле старого погоста – всего через один квартал. А второй попал в общежитие другого завода – полкилометра по мосту через пруд, ещё столько же по булыжным мостовым центральных улиц и ещё с километр по дощатым настилам и грязи северной части города. Он обычно не спешил. Обитатели барака, гордо именуемого общежитием, его не интересовали, и он старался приходить после второй смены как раз к тому времени, когда рабочий люд уже разбрелся по койкам.

До конца практики оставалась неделя. Чтобы разнообразить память об этом скромном рабочем городке, студент решил напоследок испробовать новый маршрут. Через десять минут должен подойти ночной поезд-кукушка⁵. На нём надо будет проехать одну остановку, перейти по хлипкому деревянному мосту на левый берег и с обратной стороны, по тёмным, рано засыпающим окраинам, добрести до своего невзрачного барака. Весь этот окольный путь был ненамного длиннее прямого, через пруд.

Он уже подходил к платформе. Но вдруг его внимание привлёк одинокий мужчина в плаще, неподвижно стоящий возле узкоколейки. Непонятно почему, но монументальная неподвижность странного чужака и плащ, купленный наверняка в Москве (в провинции таких не шили и не продавали), заставили его сначала остановиться и, затем, осторожно, сзади приблизиться к незнакомцу.

«Он хочет броситься под поезд!» – вдруг с ужасом дога-

дался студент.

Надо было что-то делать. Но что?

На стенке выемки, откуда вот-вот должен был выйти поезд, заиграли блики от паровозной фары. Молодой человек сделал ещё один шаг – и тут мужчина обернулся.

– Вы, верно, решили, что я хочу свести счёты с жизнью? – с улыбкой спросил он.

В выемке показался паровоз. Незнакомец отступил на безопасное расстояние.

– Это было бы глупо с моей стороны, – произнёс он, не переставая улыбаться.

– Почему?

– Потому что броситься под узкоколейную «кукушку», тогда как неподалёку ходят настоящие поезда, – это даже не глупость. Это фарс, на который способны только великие идиоты.

Поравнявшийся с ними паровозик обиженно всхлипнул.

– Вы шли на остановку?

– Да, – обескуражено ответил студент.

– Ну, тогда бегом!

Они побежали к платформе.

Незнакомец поднялся на тормозную площадку, называемую тамбуром, и встал спиной к вагонной двери.

– Нам ехать ровно семь минут, – заявил он.

– Почему вы решили, что я хочу проехать только одну остановку? – Студент по-прежнему находился в растерянности, так как не ожидал встретить здесь такого необычного, даже по питерским меркам, человека.

– Дважды почему, – усмехнулся попутчик. – Впрочем, для вашего возраста это нормально. Видите ли, я ещё в прошлом месяце сообразил, что вы здесь на практике. А поскольку вы всегда идёте со второй смены неторопливо, даже нарочито неторопливо – и мне понятно, в чём причина, – то я делаю закономерный вывод: вы нашли удачный способ продлить себе путь домой... Как вас звать?

В этом безобидном вопросе студенту вдруг послышались интонации «профессионального» начальника.

– Леонид. Приехал из Ленинграда.

– Перешли на пятый курс технологического?

– Да, – еле слышно удивился практикант.

– Ну, что ж, будем знакомы. Я – Юрий Глебович. Два года здесь и два года как пенсионер.

Только сейчас, стоя в открытом тамбуре, Леонид смог разглядеть попутчика. Тот был высоким, темноволосым, с едва заметными залысинами и гладко выбритым лицом правильной формы. Но почему он пенсионер, если выглядит на сорок пять? И почему оказался здесь, сияющий столичным лоском, в дорогом, скорее всего, заграничном плаще?

– Я не работал. Я служил, – прочитал его мысли Юрий

Глебович. – Служил честно. Но как достиг пятидесяти пяти, так сразу на «заслуженный отдых». Ни минуты не колебался. А вот почему я прописался тут, это отдельная история.

Паровозик затормозил возле такой же – четыре шпалы, восемь досок – платформы. С поезда сошли ещё две женщины средних лет.

– А ведь скоро это кончится, – вздохнул Юрий Глебович.

– Что? – не понял Леонид.

– Узкоколейка; «кукушка». Вы же газеты, небось, читаете? На «том» конце уже проектируют ширококолейную дорогу, но в другую сторону. Ещё лет десять – и прощай это чудное инженерное творение. Вагоны – на дрова; рельсы и паровозы – на металлолом.

– А пассажиры? Они ведь никуда не денутся?

– Вы слишком наивны. Кто там, «наверху», думает о деревенских бабках, которые скоро вымрут? А у наших начальников, всех мастей и рангов, есть две главные забавы. Первая: возводить на пустом месте заборы. И вторая: ломать то, что не строили.

Они миновали мост и, двигаясь друг за другом по хорошо видимому дощатому настилу, вошли в тёмный, будто обезлюдевший город. Ночь, правда, нельзя было назвать тихой – на всём пути их сопровождали лай собак и блеяние вечно чем-то недовольных коз.

– Не боитесь ходить впотьмах? – неожиданно спросил Юрий Глебович.

– Поначалу опасался. Теперь – нет.

– Почему?

– Да тут шпана какая-то миролюбивая. Я встречался с ними, причём неоднократно, но они не задирались.

– Насчёт миролюбивости готов с вами поспорить. Скорее... – Юрий Глебович надолго задумался и вдруг почему-то рассмеялся. – Дело в том, что вы для них почти небожитель. Чужак – это... некто чужой, но равновеликий им. А вы столичный настолько, что ваша «особость» видна даже в темноте. Столица для местных – как Олимп. К тому же вы ходите один. А на одиноких кодекс дворовой чести нападать запрещает. Вспомните вашу первую встречу с ними. Сколько времени вы тогда проболтали?

– Не считал, но долго.

– Вот и разгадка.

– Вы это тоже на себе ощутили?

– Да, конечно.

– А где вы живёте? – осмелел Леонид.

– В самом центре, на берегу пруда.

– Это значит, от приборостроительного до вашего дома всего полчаса?

– Двадцать минут.

– Тогда, простите, зачем такой...

– Кульбит? – усмехнулся Юрий Глебович. – Ну, во-первых, я тоже люблю разнообразие. Во-вторых, мне тоже некуда спешить. Есть и в-третьих, но об этом в другой раз. Ска-

жите лучше, как вам работа. Практика скоро кончится. А что потом?

– Потом, следующим летом, военные лагеря. А после лагерей – на завод.

– На какой?

– Пока не знаю. Будет распределение. Но ничего хорошего для себя я не жду.

– Плохо идёт учёба?

– Плохо, – выдавил из себя Леонид.

– Почему? – спросил Юрий Глебович, и в интонации его голоса опять появились командирские нотки.

– Не моё это... Завод, металл, станки... Не моё.

– Вероятно, я не первый, кому вы даёте такие признательные показания?

– Второй.

– Кто первый?

– Я сам.

– Так, понятно. Но четыре года назад вы думали иначе?

– Иначе, – неохотно признался Леонид. – Хотя...

– Что?

– Нет; ничего.

Юрий Глебович замедлил ход:

– Что вы думали? Отвечайте!

Леонид повернулся к нему лицом и заложил руки за спину.

– А вот это уже моё дело, – внятно, но слишком тихо даже

для сонного города ответил он.

– Ладно, простите меня за настырность, – миролюбиво вздохнул Юрий Глебович. – Ответ-то банальный: вы поступили в институт, потому что так настояли родители – а у вас ещё не сформировался профессиональный интерес – и потому что боялись армии. Но уже тогда у вас были сомнения и предчувствия.

– Да. Были.

– А куда бы вы поступали сейчас? Даю слово, что больше ни о чём спрашивать не буду.

– Скорее всего, на исторический. Или на «иняз».

– Так-так! Вы знаете немецкий?

– Немецкого не знаю. В школе и в институте учил английский; немного говорю по-испански.

– Так-так? – повторил Юрий Глебович с диковинной вопросительной интонацией и вдруг встал как вкопанный.

Несмотря на темноту, Леониду показалось, что глаза его собеседника стали круглыми и даже слегка выпуклыми от удивления.

– Так-так, – ещё раз, но уже тихо произнёс Юрий Глебович, после чего, немного потоптавшись на месте, продолжил путь. – Это интересно. А как вы пришли к испанскому? Язык редкий. Его у нас только на некоторых факультетах изучают.

– В эвакуации нашими соседями были испанские дети из интерната, мои ровесники. Я с ними общался, играл. А дальше, как говорится, само собой.

– Ну, мы у цели. Вот ваша изба с нелепым названием «общежитие». Завтра, после конца смены я готов продолжить этот увлекательный разговор.

– Вы уверены, что я захочу снова встретиться с вами?

– Да. Если честно, то вы уже в моей власти. Но я обещаю, что не буду своей властью злоупотреблять. До свидания.

Юрий Глебович ушёл в темноту.

На крылечке стоял рабочий с литейного завода и курил «козью ножку».

– По бабам, что ли, ходили? – равнодушно удивился он.

– По бабам, – не желая вступать в разговор, ответил Леонид.

– Что так рано вернулись? Впрочем, он по таким адресам не ходок.

– Тебе-то откуда известно?

– Поживи здесь с моё.

– А кто он?

– Если б знать. Была у него жена, молодая, «наша». Она, верно, знала. Так померла.

– То есть, как померла?

– Натурально. Взяла – и откинулась. Только они приехали сюда; трёх месяцев не прошло – всё, на кладбище. А этот чудак остался. Хотя мог бы, наверное, вернуться.

– Куда вернуться?

– К себе, в Ленинград.

Они простояли ещё минут двадцать, обсуждая местные

новости. Леонид на редкость удачно свернул самокрутку, которая дымила ровно, не затухала, добавив тем самым ему уважения со стороны бывалого курильщика.

То, что сказал на прощание Юрий Глебович и что показалось Леониду чудачеством, утром явилось в облике непрекаемой истины. Действительно, едва открыв глаза, он почувствовал желание снова встретиться со вчерашним попутчиком. И не важно, зачем. Просто говорить, слушать, отвечать, анализировать его слова.

Смена завершилась в положенное время. Юрий Глебович прогуливался возле проходной между двумя фонарями. В этот раз он был в серой куртке.

– Скажите, пожалуйста, – начал Леонид, – неужели вы нигде не работаете и не хотите работать?

– Не работаю и не хочу, – отрезал Юрий Глебович, но, почувствовав раздражающую резкость своих слов, поспешил сгладить её. – Если честно, то иногда такое желание возникает. Однако вскоре я начинаю понимать, что это не желание, а воспоминания о детских мечтах... О чём ещё хотите спросить?

– Почему вы здесь? Почему, после смерти жены, вы...
Леонид замялся.

– Смелее, молодой человек, – подбодрил его Юрий Гле-

бович. – Вы вправе задавать любые вопросы. А вот захочу ли я на них ответить – такого обещания дать не могу. Впрочем, как раз этот вопрос не потребует от меня откровения. Я женился «там», в Питере; женился на красивой двадцатидвухлетней студентке. Но она уже была больна. Едва-едва дотянула до конца третьего курса. Однажды она сказала: хочу умереть дома, на родине... И умерла дома, на родине. Так я оказался здесь.

– Но здесь... это ведь тяжёлые воспоминания. Ленинград – совсем другое...

– Вот именно: совсем другое. Надеюсь, одной тайной для вас стало меньше?

– Да. Но всего лишь одной.

– Ну-ну, желаю успеха... Не хотите мне чем-нибудь ответить?

– Чем? Если бы у меня был, как говорится, предмет...

– Да, вы, пожалуй, правы. Что толку раскрывать ваши тайны? Вы слишком молоды, чтобы обрести их. Я уж не говорю про грехи. Грехи детства таковыми не считаются, за редкими исключениями. А вот у меня всё гораздо интереснее, запутанней и страшней... Знаете, один мой приятель – нас просто ненадолго, всего на полмесяца, свела судьба – нагадал мне три события. Два уже сбылись. А третье, самое нехорошее, почему-то нет.

– Но третье не может не сбыться. Ни один человек, насколько мне известно, ещё не избежал смерти.

– Ах, вот вы о чём! – рассмеялся Юрий Глебович. – Да, вы опять попали в точку, хотя и не совсем. Третье имеет отношение к моей смерти, но... не прямо.

– Судя по тому, что вы сказали «ненадолго», ваши пути вскоре разошлись?

– Да. Я избавился от этого «пророка», причём самым решительным образом.

– Как?

– Я его убил.

Они остановились на середине моста.

С верховьев реки дул ветер. Вода в пруду казалась чернее ночи.

– Если б я захотел свести счёты с жизнью, я не попёрся бы и на большую железную дорогу, – неожиданно, безо всякой, казалось, связи с только что сделанным признанием, тихо произнёс Юрий Глебович. – Для этой забавы у меня есть наган.

Он сделал полуоборот от Леонида и даже отошёл на пару шагов, но вдруг снова повернулся к нему и крикнул:

– Ну, ну! Естественное логическое заключение о том, кем я был!

– Вы были следователем НКВД. Майором, или, нет, подполковником. Вы приговорили вашего «пророка» к расстре-

лу, – совершенно спокойно ответил Леонид, не трогаясь с места.

– Bravo! Я действительно ушёл в отставку в звании подполковника НКВД. Вы допустили лишь одну мелкую неточность. Мой «пророк» должен был получить двадцать лет лагерей без права переписки. Но суд приговорил его к расстрелу. Вероятно, это было лучшее решение. Согласитесь, в возрасте пятидесяти пяти выжить в лагере... Он бы умер там первой же зимой.

– А сколько же осталось вам, если верить этому невинно убиенному?

– Не портите впечатление, – поморщился Юрий Глебович. – Вы слишком хорошо ответили на моё чуть ли не истерическое требование, но этот вопрос не к месту и не ко времени. Однако я всё же отвечаю: он не сказал, сколько; он сказал, после чего.

Леонид заложил руки за спину и, не оглядываясь, зашагал к берегу. Юрий Глебович пропустил молодого человека вперёд и пристроился следом. Они вышли с моста на деревянный настил улицы.

– Мой первый вопрос всё же остался без ответа, – бросил через левое плечо Леонид.

– Неужели сами догадаться не могли?

– Если б я был чуть глупее, я бы ответил.

– Как?

– У меня два варианта. В Ленинград недавно вернулись

бывшие осуждённые – и в их числе, осуждённые вами. Стало быть, вы опасались мести. Потому и убежали сюда, «с оказией». Или в вас пробудилась совесть. И это ещё хуже, поскольку от мстителей можно скрыться, а от себя самого – никак.

– Вы сказали, если бы был глупее? Значит, вы эти версии отмечаете?

– Первую отмечаю, а вторая... не знаю, почему, но она мне тоже кажется фальшивой.

– Леонид, – впервые с момента знакомства Юрий Глебович обратился к нему по имени, – вот мой дом, слева. Я не приглашаю вас. Но молю об одном: завтра вечером, на том же месте.

Не дожидаясь ответа, он просунул руку в щель справа от калитки и отодвинул щеколду.

Среда ознаменовалась долгим хлёстким дождём, который, к счастью, во второй половине дня завершился, но оставил у горожан стойкий привкус наступающей осени. Леонид надел кирзовые сапоги. Это было мудрое решение, потому что дощатые настилы на правом берегу утопали в грязи.

Юрий Глебович, как и накануне, ходил вокруг фонарей. Он тоже был в сапогах, но в яловых.

– Не опасаетесь, что в вас шпиона заподозрят? – то ли в шутку, то ли всерьёз намекнул ему Леонид. – Тут народ

простой.

– Потому и не заподозрят. А что касается шпионов, так мне ли бояться моих бывших коллег. По части разоблачения иностранных агентов я, правда, уступал некоторым моим ре-
тивным сослуживцам, но и в числе последних не был.

– С вами иногда страшно говорить.

– Догадываюсь. Но весь анекдот в том, что вы – первый, кто слышит от меня такие признания. Я даже с женой не делился. Она знала только то, что я подполковник «внутренних дел» и что я страшно устал от этой работы.

– А вам не приходилось встречать тех, кого вы отправили... «туда»?

– Да. Двоих.

– И что, встретились – обнялись? Никто не набросился на вас с кулаками?

– Никто. Один из них был просто неспособен к мордобойю. Чисто по состоянию здоровья – не по убеждениям. А другой, в принципе, мог. Однако он, наоборот, выразил мне благодарность. Всего десять лет за такое же, с позволения сказать, преступление, за которое его сосед по нарам получил двадцать пять. «Сели» они одновременно. Однако «мой» вышел через четыре года, летом пятьдесят третьего, а тот умер. И я думаю, умер как раз от бремени такой убийственной перспективы.

Над прудом усилился ветер. Юрий Глебович поднял воротник и, найдя взглядом свой дом на левом берегу, спросил:

– Леонид, вчера вы отмели две самые очевидные версии. У вас есть третья?

– Есть. Но она слишком смелая... Позвольте задать всего один вопрос?

– Да, пожалуйста.

– Вы раскаиваетесь?

– Нет.

– Нет?

– Я служил честно и ни в чём не раскаиваюсь. Все, осуждённые с моей подачи к разным срокам, заслужили такой участи, – тихо, но отчётливо произнёс бывший подполковник.

– Тогда я ошибся...

– И всё-таки скажите. Вы два раза удивили меня своей проницательностью, не имеющей ничего общего с математикой, так что я с интересом выслушаю любую версию.

– Я думал, вы избрали монастырь, где страдания и лишения – это образ жизни. Но, как видно, оказался неправ. В монастырь идут раскаивающиеся грешники.

– Вам это удалось.

– Что удалось?

– Вы теперь знаете обо мне почти всё.

– Но вы же сказали, что не раскаиваетесь?

– Леонид, вы с потрясающей элегантностью нашли точную аллегория: монастырь. Но допустили одну ошибку. В монастырь идут не только грешники, и не только раскаивающиеся-

ся. Я – грешник. Я осознаю свою вину. Но не перед людьми.

– Как это понимать?

– А вы и не поймёте. Чтобы понять меня, надо быть мной и пройти мой путь. Готов молить бога, чтобы вы избежали такой участи. И я, атеист по воспитанию, не случайно вспомнил Бога. Ни перед одним человеком я не встану на колени. А перед Ним – стою.

– И что-нибудь изменилось за эти годы, пока вы «стояли»?

– Нет. То есть, да. Я женился, вышел на пенсию, а потом похоронил жену.

– Я тоже атеист, и тоже по воспитанию, или, если хотите, по принуждению. Но допустим, я в этой вере не твёрд. Ответьте мне, как человеку «без царя в голове». За что вы не первый год «стоите» и продолжаете это делать, если ничто в лучшую сторону не меняется?

Юрий Глебович криво усмехнулся:

– Не знаю. Но надеюсь получить ответ, пусть даже в последние минуты своей жизни. А первый шаг к этому ответу я сделал... Нет, скажу лучше о втором. Я женился через три месяца после того, как мы познакомились, и ровно через месяц после того, как она сказала, что неизлечимо больна. Я ходил с нею по врачам. Я знал, что она скоро умрёт. Но она была первым и единственным человеком, кого я в этой жизни любил. И я также знал, что она любит меня и нуждается во мне. И вот тогда, в день её смерти, меня успокаивала только одна мысль: в моём чемодане лежит наган с полной

обоймой.

Они подошли к аккуратному срубленному дому на берегу пруда, двумя окнами смотрящему на улицу.

– Хотите зайти ко мне, хотя бы на полчасика – на чашку чая? – внезапно предложил Юрий Глебович.

– Хочу.

– А вы всё же авантюрист, в некоторой степени. Это хорошо.

Леонид, напротив, считал, что в нём нет ни грамма авантюристических задатков, однако разубеждать собеседника не захотел.

В доме оказалась всего одна комната, правда, большая, с четырьмя окнами. Просторными были и сени. За два месяца практики Леонид побывал в разных домах, и везде его поражало обилие нужного и ненужного хлама, заботливо приберегаемого на случай «трудных времён». Здесь же царила геометрия монастырской кельи. В сенях стоял один сундук, обитый железом, против него – этажерка со столярными инструментами; в комнате вдоль стен расположились старый кожаный диван, деревянная койка, обеденный стол и закрытый шкаф.

Юрий Глебович усадил гостя на диван, а сам вернулся в сени и стал разжигать примус, подставкой для которого как

раз служил сундук.

– Мне больше нравится примус, – объяснил он, стоя возле открытой двери. – Подарок из Германии. Одна беда – бензиновый. А запах бензина я не люблю, поэтому разжигаю его редко. Чаще использую керогаз. Ну, а с сентября, естественно, топлю печку. Ночи тут холодные даже летом.

Леонид осмотрел стены. «Лицом» к уличной стороне, между окон, висела акварельная картинка местного пейзажа, сбоку от неё, на теневой стене, – слегка выцветшая фотография немолодой женщины в деревянной рамке, под стеклом.

– Не ищите; её здесь нет. Это её мать. К счастью, она не дожила до смерти дочери и умерла три года назад, – подал голос Юрий Глебович. – Какой чай любите? Есть настоящий, есть зверобой, иван-чай, мята, душица.

– Утром я могу пить любой. Но вечером предпочитаю настоящий.

– Я тоже. Представьте, никогда раньше не пил иван-чая. А тут попробовал – и понравилось. Местные различают два сорта. Один, низкогорный, растёт почти повсеместно. Он бледно-сиреневый или розовый. Другой – белый, высокогорный. Он вкуснее. Но за ним надо ехать на «кукушке». Как видите, я уже освоился.

– Вам здесь нравится?

Юрий Глебович почесал лоб. Он по-прежнему стоял в проёме двери, будто боялся оставить немецкую технику без присмотра.

– Как ни странно, мне, коренному питерцу, здесь хорошо. И как раз это меня беспокоит.

Чайник закипел быстро. Юрий Глебович всыпал в старорежимный – вероятно, ещё «купеческих» времён – фарфоровый чайничек заварку, залил её кипятком и снял с полки два стакана с подстаканниками.

– Вы разочаровались в «монастыре», который по непонятной причине проявил к вам снисхождение? – спросил Леонид.

– Именно так. Мало того, что через сорок дней после смерти жены я внезапно ощутил какое-то пугающее умиротворение. Я начал находить радость в лесных путешествиях, хотя до пятидесяти пяти гулял только по паркам, я стал ездить по окрестным городкам и захаживать иногда вечером на вокзал, чтобы проводить поезд. Сейчас я уже не рвусь в Ленинград, как в первый год. И всё же...

Юрий Глебович встал, подошёл зачем-то к шкафу и даже прикоснулся к нему, но вдруг одёрнул руку и вернулся назад.

– Мой возраст требует подведения итогов. Я ни о чём не жалею. До недавнего времени я считал себя везунчиком. В моей жизни были моменты, когда я поступал вопреки своей же логике, которую я считаю безупречной, и потом не мог рационально объяснить, почему я сделал так, а не наоборот. Именно потому я и уцелел в той кровавой вакханалии.

Мимо окон протопали два припозднившихся инженера, громко обсуждая прелести Лолиты Торрес.

– Да, нам выпало непростое время, – немного помолчав, продолжил Юрий Глебович. – Но наша ли в том вина? Главное, что я служил честно. Я был и остаюсь хорошим психологом. Я видел людей насквозь. Со всеми своими «пациентами» я говорил долго и обстоятельно. И этого было достаточно, чтобы определить степень греховности каждого. Невинных я отправлял на небольшие срока. Грешники, разумеется, получали больше.

– Вы хотите сказать, что «пяток» получал только тот, кто был абсолютно невиновен?

– Да. Невиновен с моей точки зрения, как, впрочем, и с юридической. Десятки тысяч других «таких же» осуждались и на двадцать пять, но не мною. Я вынужден был присвоить себе роль судьи. Другого выбора, как вы догадываетесь, просто не существовало. И, к счастью, мне это было дозволено.

– Простите, кем?

– Не прощу; поэтому не развивайте свою мысль. Мы сможем говорить на одном языке только тогда, когда вы постареете хотя бы лет на пятнадцать. Но поскольку пятнадцать лет для наших взаимоотношений – несбыточная фантастика, то вы обречены на фатальное недопонимание.

– А вы, значит, меня понимаете?

– Да.

– Зачем вы меня пригласили? – откинувшись на спинку дивана, спросил Леонид.

– Помните, в первом нашем разговоре я намекнул на то,

что есть некая третья причина моего интереса к вам? Когда вы подошли ко мне, стоящему возле узкоколейки, я подумал, что вы можете быть мне полезны, но, когда вы признались, что металл и станки – «не ваше» и что знаете испанский, я понял, что вы дарованы мне судьбой. И вы, слава богу, не отвернулись от меня, подполковника НКВД, хотя могли бы сделать это.

Юрий Глебович снова подошёл к шкафу.

– Я покажу вам сейчас нечто, чего после тридцать восьмого года ни видел, наверное, никто. Я получил эти бумаги в результате обыска у того самого «пророка», осуждённого на расстрел. Вернее, я покажу не сами бумаги, а их фотокопии, сделанные мной. Оригиналы в архиве.

Он бережно достал второй том романа «Тегеран» и положил его на край стола, подальше от чайника и стаканов.

– Вот, смотрите: первый документ – это что-то вроде научного трактата, но предельно краткого, как бы в тезисной форме, на испанском языке, – с лёгким волнением в голосе сказал Юрий Глебович и, раскрыв книгу, взял в руки две фотографии среднего формата. – Оригинал был написан чернилами. Они выцвели, и тогда кто-то «подновил» текст. Этот «кто-то» скрупулёзно, следуя линиям написания букв, хорошей ручкой типа «Паркер» сделал абсолютно точную копию на аутентичной – предположительно, шестнадцатого или семнадцатого веков – бумаге. Так сказать, «поверх» оригинала. Кошунство, конечно, но, видимо, на то были причи-

ны. Стилистика и орфография, как определил один знаток испанского языка, соответствуют как раз шестнадцатому веку. Именно тогда, или чуть позже, был написан «Хитроумный идалго Дон-Кихот Ламанчский». Эксперт по почеркам заявил, что этот почерк женский, что, вероятнее всего, писала очень молодая женщина, чуть ли не ребёнок. И это интригующе странно, потому что дам – тем паче молодых – к подобным мероприятиям в те времена не подпускали.

Юрий Глебович допил остывший чай, немного подумал и налил себе вторую порцию, покрепче. На другой стакан, стоявший чуть в стороне, он даже не взглянул.

– Что такое шестнадцатый век? Шестнадцатый век – это разгар и начало медленного умирания испанской и итальянской католической инквизиции. В то же время в Центральной и Северной Европе стала расцветать протестантская инквизиция, известная нам как охота на ведьм, – ещё более жестокая и варварская, поскольку убивала женщин и детей. В конце этого века получила известность гелиоцентрическая система Коперника, а в последнем году этого же века в Риме был казнён Джордано Бруно, утверждавший, что Вселенная бесконечна. Возможно, этот текст появился раньше книги Коперника. Возможно, Коперник – его автор. Известно ведь, что он долго держал свой главный манускрипт взаперти, чтобы не навлечь гнев папской инквизиции. Однако в тексте, который вы сейчас прочтёте, нет даже намёка на гелиоцентрическую систему. Этот текст мог принадлежать пе-

ру Джордано Бруно. Здесь ключевое слово «бесконечность». Это слово будто бы указывает на него. Но Джордано Бруно был скорее профессиональным еретиком, возмутителем спокойствия, чем мыслителем уровня Коперника, хотя многие считают, что именно осознание бесконечности Вселенной возвело его на костёр. Словом, в отношении авторства мы можем лишь гадать. Но эти документы интересны не только тем, что был такой астроном или философ. Почему Испания? Почему женский почерк? Почему «кто-то» в Советском Союзе нашёл, сохранил и «подновил» эти документы?

– У вас есть предположения?

– Есть. Но только по одному вопросу. Шестнадцатый век – это массовый исход евреев из Испании. Они разбегались кто куда – в Португалию, в протестантскую и Восточную Европу, даже в Африку. Чисто теоретически, этот документ мог попасть в Россию от испанских евреев. Однако «мой пророк» – не еврей. И не потомок их. И, также, не ближайший потомок переселенцев с запада. Скорее всего, манускриптом завладели его давние предки.

– Документ мог попасть к нему от эмигрантов, бежавших от революции.

– Вряд ли. Уважающий себя «русский» эмигрант – даже если он еврей – увёз бы его с собой.

– Тогда другая версия: испанцы после прихода Франко.

– Логично. Но думаю, что не они.

Юрий Глебович положил обе фотографии на край стола:

– Прочтите. Надеюсь, вашего знания языка будет достаточно.

Леонид со странным чувством, в котором преобладало любопытство, но с примесью страха, пробежал глазами текст. Стилистика казалась простой, лёгкой для перевода, однако некоторые слова были незнакомы.

– Возьмите себе, – огорошил Леонида хозяин.

– То есть, как – себе?

– Это же копия. Моя, собственная. Она не единственная. Чтобы понять, что я от вас хочу, вы должны не просто прочесть этот текст – вы должны вникнуть в него.

Непонятно откуда в руках Юрия Глебовича оказалась картонная папка, которую он тотчас передал гостю.

– Некоторых слов вы не знаете, поэтому здесь вы найдёте перевод на русский. Перевод абсолютно точный. Но оригинал всё же прочтите. А теперь – документ номер два, – тихо сказал подполковник и извлёк из книжных недр ещё две фотографии.

На листах такого же формата, теми же буквами были начертаны слова – существительные, глаголы, прилагательные, образующие бессмысленную последовательность. Итог этому хаосу подводила единственная точка.

– Что за чертовщина? – автоматически вырвалось у Лео-

нида.

– Зашифрованный текст. Прочесть его несложно. В те века процедура шифровки была простой, даже примитивной.

– Вы его прочли?

– Нет, – усмехнулся Юрий Глебович. – Дело в том, что нужен ключ. А ключ – это или специальная «решётка», которая в данной ситуации не нашла подтверждения, или какая-то книга.

– «Дон Кихот»? Библия?

– Вот! Именно! Вы правильно назвали самые популярные из аутентичных. Но у нас нет ни той, ни другой. Нет их в библиотеках. Правда, как я думаю, «Хитроумный идадьго» тут не помощник. Беру на себя смелость заявить, что он появился позже. Значит, Библия. Или, скорее, Евангелия. Надо искать испанский «Новый Завет» пятнадцатого или шестнадцатого веков. Когда в руках у специалиста будет эта книга, он подберёт ключ за один день. Если вам интересно, расскажу и покажу процедуру шифровки... Что-нибудь непонятно?

– Как я вижу, текст написан той же рукой.

– Да. Та самая девочка. Та самая бумага.

– Всё-таки девочка? Не женщина? Не мужчина?

– Эксперт ведь учился тому, чему не учили нас. Если он говорит, что «вероятно, молодая, почти ребёнок», пусть даже с акцентом на слове «вероятно», то я сначала буду искать молодую, «почти ребёнка».

– Что ж, это интересно, – вздохнул Леонид и заложил фотографию в папку.

– Кто ваш отец? – неожиданно спросил Юрий Глебович.

– Главный инженер не самого маленького ленинградского завода, что, однако не помешало ему отсидеть полгода.

– Всего полгода? Его арестовали в тридцать седьмом?

– В начале тридцать восьмого. Потом был пересмотр дела. Редкий случай. Нам повезло.

– Действительно редкий, хотя полгода – это шесть месяцев, – пробормотал Юрий Глебович. – Стало быть, у вас ко мне особый счёт.

Он потёр указательным пальцем лоб, затем посмотрел на часы.

– Поскольку вам вставать не рано – о себе молчу – и делать, по большому счёту, не хрен, как и мне, то...

Леонид подумал, что Юрий Глебович собирается заварить вторую порцию чая.

Однако тот снова протянул руку к «Тегерану».

На высоком берегу пруда, где проходила железная дорога, раздался уже привычный голос «Лебедянки».

– Вот вам третий документ, – завершил начатую фразу Юрий Глебович. – Не пугайтесь: он же и последний.

На этот раз в его руках оказался обычный лист бумаги,

исписанный латинскими буквами. Знаки были сгруппированы в равные по длине строки.

– Как вы можете догадаться, с такими уликами их обладатель не мог избежать «высшей меры», – горько сыронизировал бывший подполковник. – Двадцать строк; в каждой по двадцать символов. Эту шараду пытался разгадать один мой приятель – специалист по шифрам. Увы, бесполезно. Обращаться к официальным, то есть, как бы, высшим специалистам я не рискнул. Обладатель документов божился, что ничего не знал. Однако есть ещё одна загадка. Оригинал написан тем же «Паркером», но не поверх старого текста. Более того, он написан на отечественной бумаге выпуска конца двадцатых – начала тридцатых годов. Вот почему я думаю, что к бежавшим от Франко эти документы отношения не имеют. Почерк не моего «пророка», но, скорее всего, мужской. Зато мой «пророк» имел отношение к Пулковской обсерватории. Его жена работала там.

– Так, минутку. Я начинаю теряться в этих хитросплетениях. Какая тут связь?

– Вы когда возвращаетесь в Ленинград?

– Послезавтра – последний день. Значит, в субботу. В ночь.

– Понятно. Стало быть, у нас ещё два дня, даже три. Я думаю, на сегодня достаточно. А связь самая непосредственная. Чтобы её найти, сделайте себе две «зарубки». Я их называл: Пулковская обсерватория и бумага, выпущенная в на-

чале тридцатых. Затем вспомните, чего добились физики и астрономы в это время. И прочтите переданный вам документ.

– Я помню, что они открыли в двадцатых годах, – медленно произнёс Леонид.

– В чём у меня не было никаких сомнений, – улыбнулся Юрий Глебович. – Время и место randevу не меняем?

Не в первый раз ленинградский студент пожалел, что не догадался надеть свитер. Едва оказавшись на пустой, продуваемой ветром улице, он доверху застегнул свою куртку, которая в северном городе Ленинграде спасала его от противной мороси с залива. Увы, сейчас от неё было немного пользы.

Оба соседа спали, укрывшись шерстяными одеялами. Леонид накинул на плечи телогрейку и вышел в так называемую кухню – маленькое помещение с печкой, обеденным столом и тремя стульями. Стол, как всегда, был завален посудой. Сначала он хотел отгрести стаканы и тарелки к стене, чтобы освободить место для папки, однако клеёнка оказалась заляпанной жиром, и тогда студент, не лишённый чувства брезгливости, принёс из подсобки чертёжную доску и положил её прямо на печку.

Леонид пробежал глазами испанский текст. Конечно, он мог бы его перевести, а неизвестные слова домыслить. Но

жажда «немедленного» смысла оказалась сильнее. Решительно отодвинув две фотографии на край доски, Леонид поднёс к глазам лист бумаги, который теперь лежал сверху.

«Мироздание начиналось с Божественного выдоха. Была вселенская тьма, но был и Он, и во все от Него стороны разошлись лучи, которые освещали зарождающийся мир. Был Он, и каждый луч, следуя Его взгляду, уходил в бесконечную тьму, и тьма наполнялась светом. И каждый луч постепенно отклонялся от Его взгляда, уходя влево и ещё раз влево, чтобы завершить свой долгий причудливый путь там же, где было начало. Этот Божественный выдох света забрал всю Его силу. И Он мог только смотреть, как рождается и ширится новый осязаемый мир, но уже не мог ничего изменить. А мир становился более сложным и разнообразным, и одновременно в этом мире зарождалось то разумное, что стало творить свои законы. Мир расширялся, создавались новые звёзды. Но с каждой новоявленной звездой становился более мудрым этот молодой разум, и сила его постепенно возвращалась к Нему. И через многие-многие миллионы лет настанет великолепный и трагический миг, когда Он снова сможет вершить судьбу своего творения, когда Он вдохнёт всё сущее и выдохнет новый лучезарный поток. И так будет до конца времён».

Днём внезапно потеплело. Когда Леонид сходил с моста на запрудный берег, навстречу попался его «коллега» – практикант из другого института.

– Всё! – радостно сообщил он. – Можно домой! А сейчас бегу в кино.

Однако начальник участка, к которому был прикреплён Леонид, оказался не таким щедрым и заставил его отработать полную смену.

Этим вечером Юрий Глебович явился «под фонари» в том самом «первоначальном» плаще и в шляпе, тоже недешёвой, которая у местных жителей должна была вызывать в равной степени и восторг, и неприязненное недоумение. Погода не требовала такого одеяния, и Леонид подумал, что подполковник специально остановился на столичном фасоне, чтобы придать особый статус их четвёртой встрече.

– Как прошло ознакомление с документом? – без предисловий начал Юрий Глебович.

– Я не умею мыслить по-испански, поэтому прочёл только русский перевод, – признался Леонид. – С точки зрения логики мне всё понятно. Понятна, так сказать, механика. Но принять такую конструкцию – это дело не самого близкого будущего. Я помню, что в двадцатых годах некий «Ж» Леметр – вероятно, Жак, или Жан...

– Жорж.

– Жорж Леметр и, одновременно, наш Фридман, выдвинули гипотезу о том, что Вселенная расширяется. И амери-

канский астроном Хаббл подтвердил эту догадку своими наблюдениями.

– Абсолютно верно. Только Фридман выдвинул её на несколько лет раньше. Скажите, у вас нет ощущения, что где-то вы слышали нечто подобное?

– Нет.

– Неужели никаких ассоциаций? Подумайте.

– Нет.

– А у меня есть. С Гегелем. Я надеюсь, что ему этот текст был неизвестен. И я уверен, что он дошёл своим умом до идеи «отчуждаемой Идеи». Но я восхищаюсь Гегелем не ради его восхваления. Просто его именем я завершаю преамбулу.

Несколько минут – от середины моста до левого берега – они шли молча. Леонид терпеливо ждал. Наконец, Юрий Глебович повернулся к нему:

– Я хочу сделать вас соучастником одного... мероприятия. Сразу оговорюсь: в нём нет ничего криминального – поверьте мне как юристу. Дело в том, что у того самого «пророка» есть сын, Александр. Во время обыска он находился в квартире. Ему было лет тринадцать-четырнадцать. Позже я выяснил, что он неплохо владел испанским. И вот, три года назад, я встретил его. Встретил случайно, прямо на Невском проспекте. Конечно, у меня не было абсолютной уверенности в том, что он – это он, и поэтому я решил проследить за ним. Вскоре Александр привёл меня к дому, где их семей-

ство жило до тридцать восьмого года. С тех пор я его не видел. Я лишь смог выяснить, что в этой квартирке прописаны он и его мать. Пока я думал, как подобраться к нему, я встретил Майю, женился, ну, а потом... как вы уже знаете, «суп с котом».

– Надеюсь, я правильно понял смысл вашего «мероприятия». Но мне непонятна его цель. Что вы, в конце концов, хотите? Найти ключи к разгадке двух документов?

– Да. Я хочу прочесть зашифрованные тексты. Подозреваю, что Александр владеет какой-то тайной. Но прямо к нему я обратиться не могу.

– Почему?

– Он меня помнит. «Такое» не забывается. Он никогда не пойдёт на контакт со мной. Я ничем не смогу его переубедить. И на прямой контакт с вами тоже не пойдёт. Нужно искать какой-то обходной манёвр.

– Хорошо, – обречённо выдохнул Леонид. – Тогда расскажите всё, что известно, о вашем, как вы его называете, «пророке». И о том, как достались вам эти документы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.